

И.С. Хугаев

Ирлан Сергеевич Хугаев

Владикавказский научный центр Российской академии наук, комплексный научно-исследовательский отдел, ведущий научный сотрудник, доктор филологических наук, e-mail: shmiksel@rambler.ru

Опыт популярной хрестоматии осетинской малой прозы: Гино Бараков. «Красаира»**Irlan S. Khugaev**

Comprehensive Research Department of Vladikavkaz Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences (CRD VSC RAS), Leading Researcher, Dr., Russia, Vladikavkaz, email: shmiksel@rambler.ru

The experience of the popular anthology of Ossetian short prose: Gino Barakov. «Krasaira»

Мы уже говорили о том, насколько зыбки могут быть границы между жанрами. Теперь настало время заметить, что это обстоятельство в отдельных случаях представляет проблему терминологическую. Одним из ярких примеров того выступает отношение понятий «рассказ» и «новелла».

Теоретики литературы до сих пор не пришли к одному мнению в этом вопросе. Отчасти это связано с его тонкостью, главным же образом, конечно, с тем, что он вовсе не столь уж принципиальный; судьбы литературы от него не зависят. Однако в рамках хрестоматии, подобной нашей, вопрос заслуживает акцентирования.

Тем более, что у нас есть повод. В 1928 году Гино Бараков опубликовал сначала в газете *Растдзинад* (№ 2), затем в газете *Хурзарин* (№ 3) небольшое произведение с заголовком «Бадилаты чызг» («Дочь Баделят»; «баделята» – высшее сословие в западно-осетинском, дигорском обществе) и авторским жанровым определением – «новелла». (Позже название произведения автор изменил: вопрос, к которому мы вернемся в заключении.) Мы не можем припомнить более раннего применения этого термина осетинскими писателями. Впрочем, если они и имели место, они не так актуальны, как в случае с Гино Бараковым.

Как соотносятся рассказ и новелла? Прежде всего будет правильно отметить, что любая новелла может быть названа рассказом, но не любой рассказ может быть определен как новелла; новелла представляет собой более узкое, специфическое понятие. Для нее характерны четко ограниченное время и место действия (хронотоп) и количество действующих лиц (достаточно двух-трех), острый сюжет, неожиданная развязка и отсутствие ясно обозначенной авторской позиции. Новелла делает акцент на событии, а рассказ тяготеет к психологизму и рефлексии. Иоганн Гете определял новеллу как «неслыханное происшествие»; в этом смысле новелла с точки зрения содержания приближается к репортажу, что актуализирует исходное лексическое значение самого термина: итальянское *novella* есть не что иное, как «новость». Соответственно, в юриспруденции под новеллой понимают юридическое изменение, которое вносит в действующее законодательство вновь изданный закон.

История жанра связана с именами Джованни Боккаччо, Эрнста Гофмана, Новалиса, Эдгара По, Проспера Мериме, Ги де Мопассана, О. Генри, Герберта Уэллса, Артура Конана Дойла, Ивана Бунина, Антона Чехова и других известных писателей; а для осетин – еще и с именем Гино Баракова.

Бараков Гино Фадеевич (1890–1937) родился в с. Салугардан (ныне г. Алагир) Северной Осетии. По окончании в 1911 г. Ардонской духовной семинарии работал учителем в с. Кадгарон. В 1914 г. был призван в армию и сражался на Турецком фронте. Впоследствии он стал активным борцом за Советскую власть на Тереке, занимал ответственные посты: начальник областной милиции, редактор газеты «Кермен», секретарь Алагирского райкома партии, зам. прокурора области, редактор газеты «Растдзинад», директор научно-исследовательского института и др. Жизнь Гино Баракова трагически оборвалась в ходе репрессий.

Бараков известен как автор поэтических, прозаических, публицистических и литературно-критических произведений и переводов на осетинский язык из Пушкина, Лермонтова, Горького, Хетагурова, Гюго. Критики и исследователи его творчества всегда подчеркивали тесную связь его индивидуальной поэтики с образами и идеями устного народного творчества: в этой связи Э.Б. Сатцаев говорит, что творчество Баракова отличается «особой музыкальностью»; Ш.Ф. Джикаев выделяет в творческом наследии писателя специфический жанр «новелл-притч» (или легенд, восходящих к фольклору), четко отличая их от реали-

стических рассказов; Н.Г. Джусойты, отмечая «многообразные черты облика Гино – революционера, писателя и гражданина», подчеркивает, что в них проступает главное качество, «которое объединяет их в один целостный образ. Это, – говорит Нафи, – стихия песни, влюбленность в песню, песенная природа его поэтических произведений».

И это не «общее место», как может показаться читателю, уже усвоившему, что на начальных этапах развития литература всегда тесно связана с устной традицией. Дело в том, что Гино Бараков был настоящий музыкант. Если Коста Хетагуров был одновременно писателем и художником, то о Гино Баракове можно сказать, что он соединял в себе талант писателя и музыканта. Он отлично исполнял народные песни – осетинские, грузинские, русские, украинские – и виртуозно играл на нескольких музыкальных инструментах; ряд собственных стихотворений он положил на музыку. Стоит заметить, что музыкальный талант Гино Баракова стал темой замечательного рассказа Сергея Хугаева («Хъисфæндыр» / «Скрипка»), удостоенного в 2022 г. премии журнала «Мах дуг».

«Гино, – говорит Нафи Джусойты, – умел не только любить, исполнять и искусно создавать песни. Он сумел и воспеть песню. Кто читал его новеллу [“Красаира”], тот знает об этом».

Гино БАРАКОВ

КРАСАИРА

Новелла

Перевод Н. Джусойты

На равнине между Ардоном и Салугарданом заспорили два наездника, два гордых молодца.

Один хлестнул коня плетью и заджигитовал перед другим:

– Это я – молодец, не чета другим!

Второй усмехнулся и бросил ему:

– О Аллах! Разве кто усомнится в этом? Клянись, если кому джигитовать перед Красаирой, так только тебе! Давно домчалась до слуха строптивой красавицы молва о тебе, и она ждет не дожидается тебя. Всем джигитам от ворот поворот, но глаза проглядела, тебя ожидаючи!.. Ха-ха-ха!..

Осадил коня джигит, поравнялся с другом и почесал свой затылок – мол, близок локоть, да не укусишь... Однако думает: признаться вслух – принять позор. Вздохнул джигит и расхрабрился:

– А что удивительного-то? Сама бы упрашивала, и то бы не взяла. Невидаль какая кривобокая!.. Не нужна мне такая жена.

– И то правда – к чему?.. Все знают, давно ты скромное не ешь, – опять усмехнулся второй...

А было так. Родилась и выросла невеста неказанной красоты. Не бывало такой красавицы во всем горном крае. И все люди, словно по уговору, звали ее чудным именем: Красаира.

Много джигитов приходило к ней свататься, но все возвращались, проклиная тот день, когда родились в этом крае. Сказывают, она говорила: людей отличаю не по званию. Уздень, кавдасард¹, фарсаг² – по мне все равны. Признаю в человеке только души красоту и мужество, по ним выбираю жениха. И шли женихи один за другим. Но одни не нравились Красаире, другие – ее родне. Не приходил еще джигит, на ком бы выбор родичей и Красаиры совпал.

Правда, был еще один жених, сын кабардинско-

го князя. Родичи не скрывали своего желания выдать за него Красаиру, но он все еще не приходил ее сватать.

Буйствовала весна. Зеленели леса и нагорья. Поля в цветочной замяти. На опушках темного леса птичий переполох, в траве неутомно звенели куз-

¹ Кавдасард – букв. «рожденный в яслях»; сословие «дворовых» людей в дореформенном осетинском обществе.

² Фарсаг – букв. «сторонний [человек]»; название людей среднего (свободного) сословия.

нечики. Низко над полевой зеленью в мареве плыли бабочки, трепеща крылышками.

И в такой день во дворе отца Красаиры спешил гость из Верхней Осетии, Афако из рода Канаевых. По всему было видно, что явился он неспроста, не праздным гостем, а попытать счастье.

Хозяин выглянул из двери своего дома и окинул взглядом гостя. Он без труда угадал намерение гостя, а также – кто он и откуда... И не был ни обрадован, ни обеспокоен. Выслал к нему младшего слугу. Слуга принял коня Афако и отвел к коновязи, а гостю указал дверь в кунацкую. Хозяева зашли к гостю, торопливо поздоровались с ним, нехотя исполнив свой долг по обычаю, и тотчас же удалились. И только младший слуга не покидал Афако.

Сидит в кунацкой жених из Верхней Осетии, не красивый молчун Афако из рода Канаевых. Тоскливо ему сидеть одному в суровом молчании. Но о чем говорить с мальчишкой?... Расспросил бы его о Красаире, но стыдно с мальчишкой говорить о том, что тревожит джигита.

Нестерпимо грустно стало Афако, когда въехал во двор другой гость в окружении пяти наездников. Это был сын кабардинского князя, желанный родне Красаиры – жених Рашид Исламов.

– Вот теперь, – сказали хозяева, – постучался к нам тот, которому не будет отказа ни в чем.

Все выбежали встречать гостя. Расторопно принимали коней младшие. Радушно приветствовать гостей – это в обычае, но вдвойне рад был хозяин знатному гостю. Одно огорчало его – в кунацкой сидел Афако из рода Канаевых. Не усадить же княжича рядом с ним, чего доброго – еще обидится. Быстро прибрали другую комнату и княжеского сына ввели туда. Всем хотелось увидеть княжича, и соседки подглядывали в щели в деревянной стене, завидуя счастью Красаиры. На славу удался княжич – и ростом, и осанкой, и мужской красотой!.. А как иначе – ведь княжеский сын!..

Одиноко и тоскливо было Афако в кунацкой. Никому и в голову не приходило не то что подглядывать, но просто войти в кунацкую и посмотреть на него. Даже служка убежал к новым гостям, чтобы чем-нибудь услужить им.

Обидно стало Афако терпеть такое небрежение от хозяев, порывался покинуть неприютный дом, но как?... Выйти во двор как обиженный невниманием хозяина?... Но куда спрятали его оружие и седло?... Открыто попросить хозяев отпустить его на все четыре стороны – не в обычае горцев, нельзя. А сами они не догадаются, забыли о нем. Афако решил ни словом уже не обмолвиться о своем сватовстве, лишь бы подали фынг хоть с каким ни есть угощением, чтобы повод был после трапезы удалиться. Но видно, придется ему сидеть в мучительном одиночестве до утра...

И вспомнил Афако свой фандыр. Вот в такие доужие часы, когда ему бывало грустно и одиноко, он душу веселил игрой на фандыре. А играл он на

фандыре, как никто другой во всей горной Осетии. Прищуривал глаза, словно засыпал, а пальцы, натруженные за день, сами колдовали, перебирая струны, будто ласкали гриву любимого коня Афако...

Защемило сердце Афако из рода Канаевых. Бесшумно вскочил он, потянулся и стал ходить от стены к стене. И вдруг заметил: на стене, у которой он сидел, висит фандыр.

Афако просиял, словно вошел к нему в кунацкую давний друг. Быстро подошел к стене, снял фандыр, осторожно перебрал струны, настраивая их на свой лад, и тихо заиграл.

Забыл Афако и свою обиду, и хозяев, и удачливого княжича, привычно прищурив глаза, словно отдалил от себя видимый мир широкой межой, и грудным голосом стал подпевать фандыру.

Поплыла песня, словно сотни голосов из одного соловьиного горла срывались с дрожавших струн, улетали в дальние края, парили где-то над полями, лесами, взгорьями. То затаились вдали, то вновь прибывали морской волной, нарастали в могучий древний хор воинов, едущих с поля брани. И слышно было, как ветер то уносил их в ущелья гор, то вновь мчал до слуха замороженных аульчан.

И не осталось в ауле ни одной души – от любопытных детей до степенных стариков – кто не услышал голос фандыра Афако и не прибежал в кунацкую отца Красаиры. Запоздавшие толпились во дворе и слушали Афако. Старики тяжко опустили головы на суковатые палки, словно думали о своем, и слушали Афако. Невестки, стеснясь стариков, притаились за стенами кунацкой и слушали Афако.

Пришел черед княжича остаться в тоскливом одиночестве. Все его спутники один за другим ушли слушать Афако – долго ли придумать ловкий повод хитроумному княжескому слуге.

Наконец, не выдержала и Красаира, открыто вошла к Афако в кунацкую и молча стала слушать.

Никто не заметил, как вышел во двор княжич, как оседлали коней его слуги и удалились восвояси. Даже родня Красаиры, так долго ждавшая княжича, не вспомнила вовремя о знатном госте...

Один лишь неуловимый взгляд бросил Афако на Красаиру. Но будто не заметил присутствия Красаиры – ничем не выдал своей потрясенной души. Только струны фандыра затрепетали, словно крылья орла, в неволе бьющегося о железные прутья. Глухо и горько жаловались струны, выдавая Красаире всю боль гордой души Афако, его безнадежную мольбу.

И прислушалась Красаира к голосу струн. Непокорные глаза ее впились в дрожавшие от боли струны. Кровь отхлынула от лица, сердце тяжело и учащенно забилося, словно поднималась Красаира на крутую вершину горы Санахох³. Спустился с вершины ледяной ветер и пощипывал ее изнеженное тело. Было морозно и жарко... Красаира впала в сладкое забытие.

³ Санахох – гора Казбек.

И чудится ей, ожили струны и человеческим голосом заговорили с ней. Как наяву, слышала она эти голоса, эти неслыханные слова:

«– Не молчи, говори, Красаира!.. Я добра не нажил, не нажили добра мои предки... Но чужим мы не жили добром никогда... На чести моей нет ни пылинки греха...

Не молчи, говори, Красаира!.. Я с мольбой прошоаю тебя. Нет мне житья без тебя... Если радостно мне – это ты, если больно и грустно – это ты... Дай сердцу на тебя наглядеться.

Я ничем не богат, лишь любовью к тебе, лишь именем честным. Будешь рядом со мной, и в лютую стужу мне будет тепло. Нет добра у меня, но коса

моя звонко поет, и топор мой остер... И по горным тропинкам легко я хожу, как тур быстроногий.

Видишь, мир как расцвел: птицы вьют себе гнезда, травы песней восходят, деревья, как в симде, ветви-руки сплели, а я все один...

Не молчи, говори, Красаира!.. Столько лет жду тебя, как счастья, как жизни. Усмири свое гордое сердце. Прими, сохрани мою веру и жизнь, покой и тревогу, что живут в моем сердце!..»

Мудрое безумство вселилось в сердце Красаиры. И подала Красаира добрую весть жениху из Верхней Осетии, Афако из рода Канаевых: из всех женихов мое сердце выбрало тебя, выбрало навеки.

РЕЗЮМЕ

Чтобы исчерпать тему, поставим вопрос, которым мы ее открыли: что побудило Гино Баракова определить жанр этого текста как новеллу? Очевидно, он, помимо и прежде всего, осознавал новизну, неслыханность, невероятность описанного им события?..

«В нашей литературе, – говорит Нафи Джусойты, – часто изображается столкновение бедного жениха и богатого просителя руки невесты. Как правило, бедняк побеждает и в верховой езде, и в труде, преданностью и богатырской силой. Эта же ситуация и в новелле Гино. Но бедняк Афако побеждает молодого княжича и гордыню красавицы силой песни. Он, бедный и некрасивый, ни на что ни рассчитывал. Он заиграл на фандыре и запел, чтобы скоротать время. Но песня покорила и победила».

Все верно. Но с одним уточнением. Нафи оговорился: Афако не пел. Он только играл на фандыре. Это фандыр говорил с Красаирой.

Конечно, развязка сюжета была бы достаточно невероятна даже в том случае, если бы Красаиру убедило пение героя. Но, согласитесь, гораздо больше волшебства в том, чтобы заставить фандыр говорить человеческим языком. Таким образом, речь идет не о силе песни, а о силе музыки.

До Афако из рода Канаевых в нашей литературе еще никто не побеждал знатного и богатого соперника таким волшебным образом. А много ли мы знаем таких сюжетов в реальной жизни? Часто ли талант и красоту души предпочитали богатству и знатности? И, однако, читатель бывает счастлив и за Афако, и за Красаиру. И безоговорочно верит в силу искусства. Музыкант Афако – это сам Гино. Ну, а ты, читатель, – ты и есть Красаира.

И даже Нафи допустил неточность только потому, что был зачарован фандыром Афако и забыл о том, что с ним говорил не Афако, а его фандыр.

Это тем более замечательно, что именно Нафи перевел новеллу на русский язык и, значит, как никто другой вник в ее структуру и поэтику.

Кстати, имя героини в русскоязычном переводе – изобретение Нафи. В первоначальном авторском варианте, как мы сказали, новелла называлась «Дочь Баделят», а героиня была безымянной Дочерью Баделят. Но позже Гино дал героине имя и, соответственно, изменил заголовок: «Бæстырæсугъд», что значит буквально «Красамира». Нафи просто удалил одну букву. И получилось прекрасное – и уже осетинское – имя, вполне достойное того, чтобы войти в наш обиход. Ир – Осетия – меньше мира, но «Красаира» краше «Красамиры».

